

НАЧИНАЯ с молодых лет, я занимаюсь поисками неизданных рукописей выдающихся русских писателей и неизвестных искусствоведам творений наших замечательных художников.

В марте 1931 года благодаря помощи известного писателя и фельетониста директора Журнально-газетного объединения Михаила Колупова осуществилась самая сокровенная моя мечта — приступить к подготовке сборников «Литературное наследство», посвященных публикации неизданных материалов по истории русской литературы и общественной мысли. Начинать это издание, первая книга которого вышла

подаренных ему нашими писателями. Это дало возможность установить множество интересных фактов из истории русских отношений Гете.

В разные периоды существования «Литературного наследства» мне удалось получить для опубликования в нашем издании фотоснимки большого количества материалов по И. С. Тургеневу, хранящихся за границей как в государственных архивах, так и в частных владениях. Это прежде всего 24 его письма к Гюставу Флоберу и 16 писем к Максиму Дюкану, находящихся в библиотеке Французской академии, а также 12 писем к Эдмону Гонкуру из архива Гонкуров в отделе рукописей Наци-

докладную записку Сергей Иванович передал по назначению. И когда 9 мая Прага была спасена советскими войсками от возможного вандализма гитлеровцев, Тосканский дворец, в котором находился Русский заграничный исторический архив, был взят, как сообщили С. И. Вавилову, под охрану.

Вскоре правительство Чехословакии передало этот архив в дар Академии наук СССР. А когда его перевезли в Москву, то он был помещен на хранение в Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства.

поиски и находки

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Илья ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведения, лауреат
Государственной премии СССР

осенью того же 1931 года, пришлось самому, имея в качестве помощницы лишь машинистку. С той поры и на протяжении всех дальнейших 49 лет без перерыва создание томов «Литературного наследства» стало основным делом моей жизни.

Известно, что после Февральской революции многие культурные реликвии нашей страны стали вывозиться иностранцами за рубеж. Вот, например, что писал в те месяцы в одной своей статье А. М. Горький:

«Человек, недавно приехавший из-за границы, рассказывает: «В Стокгольме открыто до шестидесяти антикварных магазинов, торгующих картинами, фарфором, бронзой, серебром, коврами и вообще предметами искусства, вывезенными из России». В Христиании таких магазинов я насчитал двенадцать, их очень много в Гетеборге и других городах Швеции, Норвегии, Дании. На некоторых магазинах надписи: «Антикварные и художественные вещи из России». «Русские древности». В газетах часто встречаются объявления: «Предлагают ковры и другие вещи из русских императорских дворцов».

Далее Горький писал: «Нет сомнения, что этот расказ — печальная истина, как и позорная для нас. Чтобы убедиться в этой истине, стоит только посвятить два-три дня на обзор того, что творится в галереях Александровского рынка, в антикварных лавках Петрограда и бесчисленных комиссионных конторах, открытых на всех улицах города. Вскрывают неумолимо ходят хорошо выбитые, но плохо говорящие по-русски люди американской складки и без конца покупают все, что имеет хотя бы ничтожное художественное значение».

И вот передо мной доказательство того, что тревога А. М. Горького была отнюдь не напрасной: это превосходно изданный в 1956 году именно в Стокгольме, на шведском языке, большого формата, на роскошной бумаге том, в котором с подробными комментариями воспроизведено — в большинстве в цвете — 200 шедевров древнерусской живописи XII—XVII веков, хранящихся в частных коллекциях и музеях Швеции.

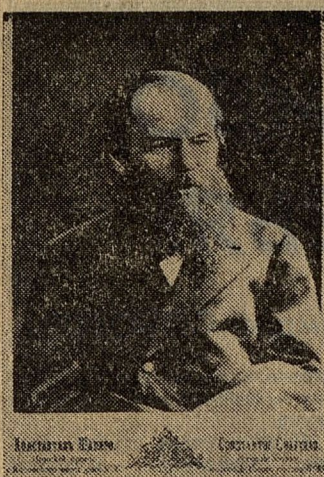
Многие культурные ценности были увезены за границу эмигрантами в первые послеоктябрьские месяцы, когда молодое Советское государство еще не могло в должной степени обеспечить тщательный контроль за тайным вывозом духовных раритетов, являющихся достоянием народа.

Все это привело к тому, что в ряде стран Западной Европы и в различных городах США накопилось множество рукописей и произведений, имеющих самое непосредственное отношение к истории русской литературы, общественной мысли, изобразительному искусству.

Немалое количество ценнейших архивных материалов сохранилось за границей еще и потому, что некоторые наши писатели, например И. С. Тургенев, на протяжении ряда лет жили и творили там. Наконец, в архивах многих знаменитых зарубежных литераторов находится письма их русских корреспондентов.

Одна из первых моих книг, вышедшая в 1928 году, называлась «История одной вражды. Переписка Достоевского и Тургенева», и в эту книгу было включено девять интереснейших писем Достоевского, фотоснимки с которых мне прислал из Парижа профессор Андре Мазон.

Продолжением этой работы по разысканию и выявлению творческих и эпистолярных рукописей, а также мемуарных источников по русской культуре стала подготовка в 1932 году тома № 4—6 «Литературного наследства» — «Гете и русская культура», выход которого был приурочен к столетию со дня смерти великого поэта (над этим томом мы работали вместе с С. А. Макашиным и И. В. Сергиевым, которые внесли в дальнейшее издание большой вклад в создание многих книг «Литературного наследства»). Мои обращения в архив Гете — Шиллера в Веймаре оказались первым обращением литературоведа нашей страны с запросом об имеющихся там русских материалах. Результаты оказались самыми неожиданными: я получил фотоснимки 35 писем русских корреспондентов Гете, в числе которых были В. К. Кюхельбекер, В. А. Жуковский, художник Федор Сталов, А. И. Тургенев, С. С. Уваров, А. А. Кавелин, Г. И. Вилламов и другие, фотоснимки неизвестных в печати стихотворений В. А. Жуковского и Ф. Н. Глинка, посвященных Гете, сведения о русских книжках,

● Фотография, подаренная Ф. М. Достоевским доктору Я. В. Бретцелю (1880 год). Отыскано в Париже. Воспроизводится впервые.

нальной библиотеки в Париже.

В 1937 году я получил от заведующего Славянской библиотекой в Праге В. Н. Тукалевского письмо с просьбой прислать недостающие у них тома нашего издания; в свою очередь он выразил готовность отправлять нужные нам фотографии документальных материалов, хранящихся в Чехословакии, а также различные справочники. Вскоре В. Н. Тукалевский прислал мне вышедшую в 1936 году книжку «Русский заграничный исторический архив», из которой я узнал, что в Праге существует организованное еще эмигрантами большое архивохранилище, в котором собирают не только документы, переписку, мемуары, книги, журналы и газеты, имеющие отношение к революционным событиям 1917 года и гражданской войне в Советской России, но и рукописные фонды деятелей русского революционного движения, живших в прошлом веке за рубежом. Прочитав в этой книжке, что туда поступила значительная часть бумаг А. И. Герцена и Н. П. Огарева, я попросил Тукалевского выяснить, нет ли в этом фонде писем Л. Н. Толстого к Герцену, — в то время мы готовили два толстовских тома «Литературного наследства». И вскоре Тукалевский послал мне фотографии трех неизвестных в печати интересных писем Толстого, отправленных Герцену в 1864 году. Но в толстовские тома, вышедшие в 1939 году, мы не успели их включить. Поэтому фотографии этих писем мною были переданы в толстовский музей, а тексты обнародованы в первом герценовском томе нашего издания (№ 41—42), вышедшем весной 1941 года.

Еще за два года до этого моя переписка с Тукалевым прекратилась: Чехословакия была оккупирована гитлеровской Германией. Вскоре наступили трудные годы Великой Отечественной войны. Когда приблизилось ее победное завершение, я не переставал задумываться и о судьбе находившегося в Праге богатейшего Русского заграничного исторического архива: ведь фашисты, отступая, вполне могли если не увезти его, то сжечь. Услышав 4 мая 1945 года по радио, что наши войска, преодолевая упорное сопротивление противника, ведут бой на подступах к Оломоуцу, я в этот же день на основании присланной мне книжки, написал подробную докладную записку «О переводе в СССР Русского заграничного исторического архива» и передал ее академику С. И. Вавилову. В годы войны консультант по оптика Государственного комитета обороны СССР, а вскоре по окончании войны избранный 17 июля 1945 года президентом Академии наук СССР Сергей Иванович был человеком на редкость многогранным, к тому же особенно внимательным ко всему, что имело отношение к русской литературе и искусству. На его помощь в справедливом деле всегда можно было рассчитывать. Сколько раз, когда в том была нужда, С. И. Вавилов в бытность свою президентом Академии наук помогал «Литературному» наследству, такому, казалось бы, далекому от его прямых интересов изданию!

Для «Литературного наследства» все это имело немалое значение: в частности, бумаги Герцена и Огарева, находившиеся в составе Русского заграничного исторического архива, легли в основу трех объемистых герцено-огаревских томов, вышедших в 1953—1956 годах. Причем в составе «Пражской коллекции» оказались не только неизданные рукописи, переписка и документы этих выдающихся деятелей русского революционного движения и замечательных писателей, но и множество иконографических материалов.

А выход первого из этих томов способствовал тому, что обнаружилась другая часть тех же бумаг Герцена и Огарева, в давние годы оказавшаяся в Болгарии. Вскоре в адрес Академии наук СССР была доставлена с подробной описью «Софийская коллекция»: многие находившиеся в ней содержательные документы были использованы во второй и третьей книгах трехтомника, а весь этот фонд мы передали в отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Поиски неизданных материалов для задуманного нами тома «Литературного наследства» «Русско-английские литературные связи» привели в 1947 году к обращению в хранившийся в Эдинбурге архив Вальтера Скотта с просьбой сообщить, нет ли там писем его русских корреспондентов. И вскоре я получил оттуда фотографии многих таких писем, в том числе Дениса Давыдова, поэта и прославленного партизана Отечественной войны 1812 года, и которому Пушкин обратился со стихотворением «Тебе певцу, тебе герою!».

Архив И. С. Тургенева, оставшийся во Франции, после кончины писателя в 1883 году поступил в собственность Полины Виардо. Но до конца дней своих она к этим бумагам никого не допускала. Что же касается дневников Тургенева, которые он вел систематически на протяжении трех последних десятилетий жизни, то, по моим данным, Полина Виардо их уничтожила, уцелела лишь небольшая часть, датированная декабрем 1882 — январем 1883 года (впервые она была опубликована мною). Скончалась Полина Виардо в девяностолетнем возрасте в 1910 году, и тогда архив Тургенева был разделен на четыре части — по числу детей певицы. Вскоре началось дальнейшее, еще более бескультурное дробление и этих уже обособленных частей архива Тургенева, в одних случаях при переезде наследства от детей Полины Виардо к внукам, в других — в результате самых обычных распродаж.

В начале 50-х годов Национальная библиотека в Париже при содействии профессора Андре Мазона приобрела у некоторых из многочисленных внуков и внучек Полины Виардо хранившиеся у них бумаги Тургенева, письма к нему литераторов и общественных деятелей России и зарубежных стран. И хотя это была лишь часть того, что перекочевало в 1910 году в руки потомков певицы, тем не менее в приобретенном оказалось много весьма интересного. Поэтому я обратился к директору Национальной библиотеки, академику Жюльену Кену, с которым до того многократно встречался, и к профессору Андре Мазону, с которым с молодых лет был хорошо знаком, а позднее и дружен,

с предложением предоставить «Литературному наследству» право первой публикации неизданных материалов, имеющихся в этом фонде бумаг классика русской литературы. Вскоре я получил из Национальной библиотеки фотоснимки рукописей многочисленных неизвестных в печати художественных произведений и критических статей Тургенева, его автобиографических записей и литературной «Игры в портреты», писем Тургенева и писем к нему. С большим трудом, после нескольких обращений к ней, удалось упрямой г-же Анри Болье (Париж), внучке Полины Виардо, дать разрешение на съемку хранившихся у нее 118 листов «Игры в портреты», почти на каждом из которых имеются рисунки Тургенева, снабженные написанными им характеристиками. Все это легло в основу выпущенного в 1964 году 73-го тома нашего издания, который был назван «Из парижского архива И. С. Тургенева»; в двух книгах этого тома около 1.100 страниц и свыше 400 иллюстраций.

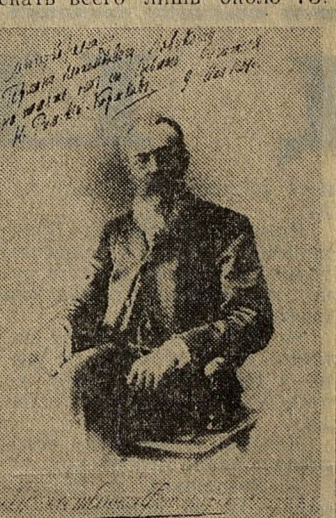
Своим французским друзьям я обязан знакомством с профессором Джузеппе Дель Бо, директором библиотеки Джакомо Фельтринелли в Милане. В этой замечательной библиотеке хранится большое количество ценнейших рукописей, в их числе автографы Маркса, Энгельса, Ленина. Из беседы с профессором Дель Бо я узнал, что руководимая им библиотека приобрела связку писем А. И. Герцена и выдающемуся английскому поэту, публицисту, граверу и издателю Вильяму Линтону. По моей просьбе профессор Дель Бо прислал фотоснимки этих неизвестных в печати 14 писем Герцена. И я передал их в готовившееся тогда Институтом мировой литературы тридцатитомное собрание сочинений Герцена. Первые эти 14 писем и 25-м том опубликованы в 24-м и 25-м томах.

Следует иметь в виду, что перу Линтона принадлежат статьи о Рылеве, Пестеле, Герцене и что печатавшаяся на обложке герценовской «Поляной звезды» гравюра, изображавшая силуэты пяти казненных декабристов, была выполнена тем же Линтоном.

В 1965 году вышел задуманный мною том нашего издания — «Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка». И для этого тома мои поиски увенчались успехом, более того, отысканное за рубежом и дало возможность создать такой том.

Было известно, что после смерти Леонида Андреева в 1919 году в Финляндии огромным архивом писателя владела его вторая жена. Здесь и находились все сохранившиеся Андреевым письма Горького к нему. Затем они поступили к Валентину Андрееву, младшему сыну писателя, поселившемуся во Франции. Узнав адрес Валентина Леонидовича, я вступил с ним в переписку; оказалось, что автографы 93 писем Горького он уступил Колумбийскому университету в Нью-Йорке, а автографы 10 писем Горького передал своему старшему брату по отцу, Вадиму Леонидовичу, жившему в Швейцарии.

Вскоре я получил фотоснимки 93 писем Горького к Леониду Андрееву, хранившихся в Колумбийском университете, а затем Вадим Леонидович прислал мне фотоснимки принадлежавших ему 10 писем Горького к Леониду Андрееву. Все эти 103 письма и стали первой новой задуманной тома — ведь в архиве А. М. Горького Института мировой литературы оказалось только 2 письма Горького к Леониду Андрееву! Что же касается ответных писем, то их в нашей стране в разных местах хранения удалось отыскать всего лишь около 75.

● Портрет Н. А. Римско-го-Корсакова с дарственной надписью композитору Г. Л. Ловцкому (9 мая 1901 года). Отыскано в Париже. Воспроизводится впервые.

Хотя неизданные архивные материалы, полученные из Германии, Франции, Чехословакии, Англии, Италии, США и Швейцарии, впервые осветили эпистолярные связи Гете и Вальтера Скотта с русскими людьми, обогатили наши знания об А. И. Герцене, И. С. Тургеневе, Л. Н. Толстом и А. М. Горьком, все же были, естественно, присланы лишь фотоснимки того, что в подлинниках находилось в зарубежных государственных хранилищах и частных собраниях.

Выше я уже говорил о том, что написанная в мае 1945 года моя докладная записка о существовании в Праге Русского заграничного исторического архива помогла определить его дальнейшую судьбу.

Теперь перейду к сообщению о том, какие творческие рукописи и письма наших видных литераторов книги с их дарственными надписями, дневники и мемуары, произведения изобразительного искусства мне удалось получить в подлинниках для государственных архивов и музеев нашей страны в результате многолетней переписки, личных встреч и трех поездок во Францию.

(Продолжение следует).